

УДК 930.85

*И. А. Зеткина¹, Е. А. Жиндеева², Е. В. Барсукова³, С. Д. Абишева⁴*¹ *Саранская духовная семинария (Саранск, Россия), e-mail: irzet@mail.ru*² *Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева (Саранск, Россия), e-mail: jindeeva@mail.ru*³ *Саранская духовная семинария (Саранск, Россия), e-mail: irzet@mail.ru*⁴ *Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Алматы, Казахстан), e-mail: s.abisheva@mail.ru*

Специфика воспитания языковой личности в условиях дворянского социума второй половины XVIII – начала XIX в.

Аннотация

Введение. Традиции дворянского социума не просто являются фундаментом многоязычной культуры России, но и остаются исторической основой воспроизводства человеческого интеллектуального капитала как основы мироустройства. В связи с этим механизмы воспитательного процесса языковой личности в условиях дворянского социума представляют значительный интерес для современных исследователей и, на наш взгляд, требуют пояснений и комментариев. Цель статьи заключается в анализе коммуникативного процесса в дворянской среде XVIII–XIX вв. как особой модели воспитания личности.

Материалы и методы. Материалом для исследования является русская художественная, автобиографическая и мемуарная литература XVIII–XIX в. В работе использовались методы системного анализа источников, контент-анализа, социокультурный, аксиологический, феноменологический, герменевтический и сравнительно-исторический подходы к изучению явлений культуры.

Результаты исследования. Получено эмпирическое подтверждение гипотезы о том, что специфика воспитания языковой личности в условиях дворянского социума второй половины XVIII – начала XIX в. тесно связана с институтом гувернерства и масштабностью домашнего обучения. Дидактический подход к работе с дворянскими наследниками, основанный на формировании полилингвальной личности, нередко сводился к готовности обучающихся к свободному владению устной и письменной формами речи на иностранном языке (в значительной степени французском). При этом стремление обучающихся зафиксировать и передать речемыслительный опыт на иностранном (французском) языке и примеры его использования в практике речевой культуры и поведения становились мерилом воспитательного и образовательного процессов.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования могут быть использованы при разработке содержания программ, связанных с историей билингвальных учений, истории педагогики и теории воспитания, что с практической точки зрения будет полезным для совершенствования образовательной программы вуза, повышения качества анализа художественных произведений. Ценность исследования заключается в анализе содержательного контекста.

Ключевые слова: дворянская культура, билингвальная личность, культурно-образовательное пространство, языковая картина мира, многоязычие.

Для цитирования: Зеткина И. А., Жиндеева Е. А., Барсукова Е. В., Абишева С. Д. Специфика воспитания языковой личности в условиях дворянского социума второй половины XVIII – начала XIX в. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2022. – Т. 22, № 3. – С. 341–350. – DOI: 10.15507/2078-9823.059.022.202203.341-350.

© Зеткина И. А., Жиндеева Е. А., Барсукова Е. В., Абишева С. Д., 2022

Irina A. Zetkina¹, Elena A. Zhindeeva², Elena V. Barsukova³, Saule Dzh. Abisheva⁴

¹ Saransk Theological seminary (Saransk, Russia), e-mail: irzet@mail.ru

² Evseev Mordovian State Pedagogical University (Saransk, Russia), e-mail: jindeeva@mail.ru

³ Saransk Theological seminary (Saransk, Russia), e-mail: irzet@mail.ru

⁴ Kazakh National Pedagogical University named after Abai (Almaty, Kazakhstan),
e-mail: s.abisheva@mail.ru

Specific Character of Linguistic Personality Education in the Noble Society of the Second Half of the 18th – the Beginning of the 19th centuries

Abstract

Introduction. Noble society traditions are not simply a base for Russian multilingual culture; they remain the historical basis of the reproduction of human intellectual capital as a basis of the world organization. In this connection the mechanisms of linguistic personality educational processes within the framework of the noble society are of considerable interest for modern researchers and, in our opinion, they require certain elucidation and some comments.

The purpose of the article is to analyse communicative process in the noble environment of the 18th – the 19th centuries as a specific model of personality upbringing.

Materials and Methods. The material of the research is Russian fiction, autobiographical literature and memoirs of the 18th and the 19th centuries. The methods used in the article are: method of system analysis of sources, content-analysis method, sociocultural, axiological, phenomenological, hermeneutical and comparative-historical approaches to the study of cultural phenomena.

Results. The hypothesis that specific character of linguistic personality upbringing of the second half of the 18th – the beginning of the 19th centuries was closely connected with the tutorship institute as well as with the large scale of home education is empirically confirmed and corroborated. Didactic approach to the noble heirs, aimed at multilingual personality formation quite often came to the readiness of of-springs to freely master both oral and written forms of speech in a foreign language (mainly the French language). Moreover, the aspiration of the pupils to fix and pass their speech and thinking experience in a foreign language as well as the examples of its use in the practice of speech culture and behaviour become the standard of educational processes.

Discussion and Conclusions. The results of the research can be used for the development of the syllabuses connected with the history of bilingual teachings, the history of pedagogy and the theory of education, which, from the practical point of view, will be of use for the perfection of the syllabus for institutions of higher education and the improvement of the quality of literary works analysis. The value of the research is in the context analysis.

Keywords: noble culture, bilingual personality, cultural and educational environment, language picture of the world, multilingualism.

For citation: Zetkina I. A., Zhindeeva E. A., Barsukova E. V., Abisheva S. D. Specific Character of Linguistic Personality Education in the Noble Society of the Second Half of the 18th – the Beginning of the 19th centuries. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(3): 341–350. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.059.022.202203.341-350.

Введение

В настоящее время процессы глобализации спровоцировали рост речевой активности, что в свою очередь детерминировало научный интерес к проблеме воспитания языковой личности. Учитывая, что категория «языковая личность», наряду с

психологическими характеристиками и определенным набором языковых средств и приемов, включает и исторически определенный образ жизни» [10, с. 66], по нашему мнению, сегодня возникла настоятельная необходимость проследить влияние дворянского социума второй половины XVIII –

начала XIX в. на формирование языковой картины мира. Угроза внедрения постепенного иноязычия (англоязычия) в современное культурное пространство России имеет прямые отсылки к сложившейся в обозначенный период языковой ситуации в стране. К тому же анализ триединства – язык, культура, языковая личность – дает возможность выявить динамику ценностных ориентаций личности в историческом хронотопе, вскрыть механизмы преодоления современного кризиса духовности и обретения нравственного стержня, который позволяет последовательно преодолеть «жестокий разрыв настоящего с прошлым», при котором «все проблемы, будь то в искусстве, науке или политике, мы должны решать только в настоящем, без участия прошлого» [20, р. 211].

Если учесть, что в XVIII–XIX вв. русское дворянство определяло основной вектор культурного развития страны, «великую русскую культуру», по выражению Ю. М. Лотмана [9], то описание формирования языкового самовыражения личности способно послужить неким индикатором развития социума, системой ценностного измерения нравственных идеалов и уровня претензий личности на образованность. При этом сословное самосознание периода определялось категориями личного достоинства, чести, общественной значимости личности, что в свою очередь требовало просвещенности и умения идентифицировать себя как гражданина.

Просвещенность и образованность воспринимались общественным сознанием постпетровской России как производная от европейской культуры, что делало знание языков ярким маркером сословной принадлежности. Знание иностранного языка вошло в перечень обязательных характеристик дворянской культурной идентичности, закрепив тем самым билингвальную сущность общения и востребованность

двуязычия как отличительной сословной черты.

Воспитание языковой личности (билингвальной или мультилингвальной) в обозначенный период стало обязательной задачей семьи в условиях превалирования домашнего образования в XVIII в. и домашней подготовки к вступительным испытаниям в учебные заведения в XIX в. Традиции дворянского социума, хорошо известные и описанные в значительном количестве источников, не просто являются фундаментом многоязычной культуры России, но и нацелены на постоянное воспроизводство человеческого капитала как основы мироустройства и стабильности. В связи с этим механизмы воспитательного процесса языковой личности представляют значительный интерес для современных исследователей и, на наш взгляд, требуют пояснений и комментариев. Таким образом, основной целью нашего исследования считаем описание коммуникативного процесса в дворянском социуме в XVIII–XIX вв. как особой среды воспитания личности образованного российского гражданина.

Обзор литературы

В работе над статьей использовались труды российских и зарубежных исследователей социальной истории, философии и истории культуры и сословной истории дворянства: А. В. Беловой [2], Д. С. Лихачева [8], Ю. М. Лотмана [9] и др. В диссертации Е. В. Барсуковой языковая культура личности стала объектом специального исследования [1]. Авторы учитывали выводы исследований лингводидактики о динамическом понимании языковой личности в коммуникативном подходе (работы Н. Х. Хорнбергер, С. Мойранд и др.) [21; 22].

Материалы и методы

Материалом для исследования (источниковой базой) стала русская художественная, главным образом автобиографическая, и мемуарная литература XVIII–XIX вв. В изучаемый период эпистолярный жанр

переживал время наибольшей популярности как в Европе, так и в России. В результате сложилось самостоятельное литературное ответвление, которое в литературоведении сегодня определяется термином «нон-фикшен»: дорожные записки; письма путешественников; романы в письмах; автобиографии; дневники – что, собственно, и является объектом нашего исследования.

Современная гносеология позволяет привлекать эти сложные в анализе источники, используя их субъективный характер в изучении разных сторон истории культуры и истории повседневности.

В работе использовались методы, свойственные междисциплинарному исследованию: системного анализа источников, контент-анализа, социокультурный, аксиологический, феноменологический, герменевтический, функциональный, сравнительно-исторический, сравнительно-переводной и текстологический подходы к изучению явлений культуры.

Результаты

Личность как субъект культуры того или иного общества живет по определенным правилам и традициям, включенным в социокультурный опыт среды, который вырабатывает идеалы воспитания и управляет развитием человека. В этом отношении языковая ситуация в России XVIII–XIX вв. – явление уникальное, требующее пристального внимания и описания коммуникативного опыта.

Общеизвестно, что в начале XVIII в. аристократия при русском дворе говорила на голландском, немецком, реже английском языках. Во второй половине века в дворцовом этикете установилось знание французского языка. В екатерининскую эпоху французский язык подчеркивал близость двора передовым идеям Просвещения и одновременно позволял дистанцироваться от немецкого (Ангальт-Цербстского) происхождения императрицы.

Как замечал П. Лафарг, «в Европе Франция была единственной большой страной, где дворянство создало обширный двор, свою культуру и достигло галантности и изящества, которыми восхищалась и которым подражала аристократия многих государств Европы, в том числе и России» [7, с. 32]. Началась новая эпоха мультилингвизма дворянства в России. Национальный русский язык оказался в ситуации диалогической сопоставленности с французским как универсальным языком европейской дипломатии и европейской образованности.

Во второй половине XVIII в. незнание или незнание иностранного языка во многом стратифицировало не только дворянство, но и аристократию. Е. Р. Дашкова (урожденная Воронцова) получила блестящее, согласно взглядам того времени, европейское образование, обязательной частью которого были языки: французский, итальянский, немецкий и один из древних [4, с. 38]. Выйдя замуж, Екатерина Романовна оказалась в большом затруднении: она плохо говорила по-русски, а ее свекровь совсем не знала иностранных языков [4, с. 42]. Описанный опыт был не единичен, но по-своему уникален. Ведь именно Е. Р. Дашкова как директор Санкт-Петербургской академии наук и председатель Российской академии станет вдохновителем и соавтором первого толкового словаря русского языка.

В аристократической среде второй половины XVIII в. незнание иностранного языка могло не вызвать коммуникативных проблем только в условиях усадебного изолированного быта. Политика просвещенного абсолютизма, проводимая Екатериной Великой, сформировала определенный культурный ценз к дворянству как к «главному сословию» страны. Создание «новой породы людей», которая обеспечит государству передовой тип развития, предполагало создание надежного культурного фундамента, отличающегося широким кру-

гозором, что априори требовало знакомства с иноязычной европейской культурой, а следовательно, знания европейских языков.

При этом наблюдались избирательность и приоритетность в выборе иностранного языка: знание немецкого языка или латыни мерилом принадлежности к дворянству не являлось. В воспоминаниях Д. И. Фонвизина предстает весьма показательная сцена: «Стоя в партерах, свел я знакомство с сыном одного знатного г-на, которому физиономия моя понравилась; но как скоро он меня спросил, знаю ли я по-французски, и услышал от меня, что не знаю, то он вдруг переменялся и ко мне похолодел: он счел меня невеждою и худо воспитанным, начал надо мною шпынять... Тут узнал я, сколько нужен молодому человеку французский язык, и для того твердо предпринял и начал учиться оному, а между тем продолжал латинский, на коем слушал логику у профессора Шадена... Знание мое в латинском языке пособило мне весьма к обучению французского» [19, с. 255].

Знание французского языка и в первой половине XIX в. определяло, по замечанию Л. Н. Толстого, деление на людей *comme il faut* (благовоспитанных) и на *comme il ne faut pas* (неблаговоспитанных), где *comme il faut* в «отличном французском языке» [15, с. 140]. В произведениях другого русского классика представлен взгляд общества на достойное или недостаточное воспитание и образованность в зависимости от владения французским языком. «Сергей Петрович [Гедеоновский] воспитания, конечно, не получил, по-французски не говорит, но он, воля ваша, приятный человек» [16, с. 125]. «Глафира завидовала брату; он так был образован, так хорошо говорил по-французски, с парижским выговором, а она едва умела сказать “бонжур” да “коман ву порте ву?” Правда, родители ее по-французски вовсе не разумели, да от этого не было легче» [16, с. 145–146]. «Родилась

она от весьма бедных помещиков и не получила никакого воспитания, то есть не говорит по-французски» [18, с. 179].

Закономерно, что одной из важнейших задач домашнего обучения обозначенного периода стало приобщение ребенка к французской языковой культуре. Проблема изучения французского языка в дворянских семьях столицы и провинции решалась через наем гувернеров и гувернанток. Задача обучить детей именно французскому языку сформировала традицию именовать домашних наставников как французов. В провинции их называли «мадам», «мамзель», «месье» независимо от национальной принадлежности. Так, воспитательницу дочери пушкинского помещика-англомана Григория Ивановича Муромского звали мадам мисс Жаксон.

По мнению Н. А. Бердяева, западная культура XVIII в. в России была «поверхностным барским заимствованием и подражанием» [3, с. 45]. В этой обстановке для претендента в гувернеры было достаточно всего лишь национальной принадлежности к чужой культуре. В России работали «достойные высокообразованные европейские учителя и воспитатели, принадлежащие порой к разорившимся фамилиям английской или французской аристократии» [6]. Но ситуация, когда в домах российского дворянства гувернерами становились иностранцы, бывшие на родине прачками, кучерами, парикмахерами, квартирмейстерами наполеоновской армии, кондитерами (вспомним, что именно о такой профессиональной карьере мечтал несостоявшийся гувернер Саши Шереметьева француз Дефорж из «Дубровского» А. С. Пушкина), сохранялась достаточно долго, что нашло отражение в художественной литературе.

Подобные учителя формировали определенный лексический и фонетический строй языка у воспитанников, что в значительной степени сказывалось на развитии культуры дворянского общения.

В идеале целью работы гувернеров было развитие у обучаемых черт вторичной языковой личности, позволяющей человеку понять и принять новую для него культуру. Иными словами, рассматриваемый период развития русскоязычной культуры обучения иностранным языкам был направлен на приобщение обучаемых к концептуальной системе «чужого» лингвосоциума. Однако именно бонны (няни-иностранки для детей до четырех лет) и гувернантки решали не только проблему знания французского языка, но и проблему многоязычия, прежде всего через раннее функциональное вхождение в иноязычную культуру посредством постоянного общения на языке носителя.

Источники фиксированной письменной речи эпохи свидетельствуют о том, что речемыслительная деятельность образованных представителей общества предельно разнообразна в языковом отношении, т. е. полилингвистична, как это было в случае Е. Р. Дашковой, которая в равной степени свободно владела русским, итальянским, французским, английским языками и свободно смешивала их в отдельных фразах [4, с. 296].

Мультилингвальность была механизмом вхождения в европейское культурное пространство в условиях развивающейся коммуникации. С другой стороны, полилингвальность уже в начале XIX в. стала «одной из нитей, связующих семейные культурные традиции» [2, с. 69]. Дворянская семья периода являла собой форму плотного культурно-языкового взаимодействия ее членов, где в зависимости от различных обстоятельств могли функционировать разные языки. Для формирования и развития билингвальной (мультилингвальной) личности семья создавала базу постоянного функционирования иноязычной речи, актуализировала изучение языка или языков

через зримую предметную потребность. Культивирование иностранной речи в быту создавало естественную иноречевую коммуникацию, формирующую ядро лингвоязычной личности.

Культурное пространство семьи создавало условия для изучения языков через взаимодействие с текстом. В специфических условиях домашнего воспитания в семье, помимо родителей и гувернеров, воспитателями молодых дворян были книги, склонность к чтению и литературе. Интерес к книгам, преобразующая роль которых в культуре России XVIII–XIX вв. неоспорима, и, как следствие, стремление к чтению знаменуют выход на самообразование, самовоспитание, самоактуализацию.

Чтение книг на языке оригинала определялось как отсутствие богатой антологии беллетристической и научной литературы на русском языке в конце XVIII – начале XIX в., так и стремлением приобщиться без посредников к образцам европейской литературы в XIX столетии.

В домашних библиотеках русского дворянства в начале XIX в. были главным образом произведения французских авторов «от Монтескье до романов Кребильона» [11, с. 152; 14, с. 117]. Обязательными в «хорошо составленных библиотеках» были «произведения Расина, Корнеля, Буало и других французских писателей»¹. А. С. Пушкин объяснял это молодостью русской словесности [14, с. 117].

Указывая на значение иностранного языка в формировании культурно-исторического и воспитательного пространства русского дворянства, необходимо констатировать и важность интереса к родному языку. Д. С. Лихачев отмечал, что «двуязычие никогда не мешало своему языку. Пушкин был двуязычным. В лицее у него было прозвище Пушкин-француз. Думаю,

¹ Архив князя Воронцова: в 40 т. – М., 1872. – Т. 5. – С. 12.

что превосходное чувство русского языка, точность и правильность языка Пушкина неразрывно связаны с его двуязычием. Он видел словесный мир «в цвете»» [8].

«Многоцветие» восприятия родного языка при знании других языков определяет дворянскую языковую личность и обогащает ее культурную индивидуальность. Параллельное изучение иностранных и русского языка было весьма распространенной практикой периода. В автобиографической записке А. Р. Воронцова, датированной 1805 г., читаем: «Я должен сказать, что воспитание (образование), которое нам дали, <...> имело многие хорошие стороны. Главное его достоинство заключалось в том, что в то время мы не пренебрегали изучением русского языка»². Русский посол в Англии С. Р. Воронцов писал о занятиях сына: «Миша ежедневно переводит с английского на русский так же, как и с французского. Он изучает правила нашего языка по грамматике Ломоносова и читает церковные книги, чтобы выучить славянский язык – так необходимый для знания нашего языка, который от него происходит»³.

Вместе с тем в первой половине XIX в. в языковой картине мира российского дворянства родной язык занимал периферическую позицию. Дворянство, владевшее одним или несколькими иностранными языками, легко пренебрегало русским языком в культурной жизни и повседневном общении. «...Я признаю язык российский, язык указов и постановлений правительственных; я дорожу его чистотою! <...> Но русский, так сказать, ежедневный язык ... разве он существует?» [17, с. 199].

Лишение русского языка его «бытовизма» порождало отчуждение от всего русского. «Можно сказать, что Россия – это единственная страна, где пренебрегают

изучением своего родного языка и всего того, что касается страны, в которой родились. Люди, слышущие просвещенными в Петербурге и Москве, заботятся об обучении своих детей французскому языку, окружают их иностранцами <...> и не обучают их родному языку, так что <...> это ведет к полному незнанию своей страны, к безразличию <...> и к привязанности к нравам заморских стран, главным образом, к Франции»⁴. «... Мне сдается, – замечал М. Н. Загоскин, – что и Наполеон-та не затеял бы к нам идти, если б не думал, что его примут с хлебом да с солью. Ну, а как ему этого не подумать, когда первые люди в России, родовые дворяне, только что, прости Господи! не молятся по-французски» [5, с. 88].

Типично, что героиня А. С. Пушкина, «русская душою» Татьяна Ларина, пишет свое письмо по-французски: «Она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала / И выражалась с трудом / На языке своем родном, / Итак писала по-французски» [12, с. 233–234].

А. С. Пушкин объяснял ситуацию влиянием иностранных книг: «Все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке. <...> ...И леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны» [13, с. 21]. Как следствие, в сложившихся условиях двуязычия особую нишу занимает письменная форма речи. Переписка, ведение дневников, сочинительство с ранних лет требовали твердого знания языков, а его избирательность в качестве транслятора идей и устремлений самовыражения в значительной степени зависела от личностного подхода и нередко была дифференцирована адресантом.

² Архив князя Воронцова. – Т. 5. – С. 12.

³ Там же. – Т. 9. – С. 265.

⁴ Там же. – Т. 5. – С. 12.

Обсуждение и заключение

Итак, языковая личность, причастная к дворянской культуре XVIII–XIX вв., в идеале должна была свободно владеть русским и иностранными языками на уровне активного и творческого пользователя, тем самым подтверждая постулат о серьезной образовательной подготовке представителя описываемого социума. По сути, русское дворянство было носителем культурного русско-французского двуязычия: определенные сферы русской культуры обслуживались французским языком, который в общественно-языковой практике российского дворянства занимал особое положение. Закономерно, что коммуникативное умение служило критерием принадлежности к сословию.

Одновременно с этим специфика воспитания языковой личности в условиях дворянского социума второй половины XVIII –

начала XIX в. тесно связана с институтом гувернерства и масштабностью домашнего воспитания. Дидактический подход к работе с дворянскими наследниками, основанный на формировании полилингвальной личности, нередко сводился к готовности обучающихся к свободному владению устной и письменной формами речи на иностранном языке (в значительной степени французском). При этом стремление обучающихся зафиксировать и передать речемыслительный опыт на иностранном (французском) языке и примеры его использования в практике речевой культуры и поведения становились мерилom воспитательного и образовательного процессов.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке содержания программ, связанных с историей культуры и историй российской повседневности.

Список источников

1. Барсукова Е. В. Языковая личность как категория исторической культурологии (на материале «Архива князя Воронцова»): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – М., 2007. – 22 с.
2. Белова А. В. Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // Педагогика. – 2001. – № 10. – С. 69–74.
3. Бердяев Н. Русская идея. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 318 с.
4. Даикова Е. Р. Записки. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 493 с.
5. Загоскин М. Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. – 504 с.
6. Зеткина И. А., Николаева Е. А. Новые профессии в зеркале истории и литературы. – Саранск, 2008. – 187 с.
7. Лафарг П. Язык и революция (Очерки происхождения современной буржуазии). – М.; Л.: Академия, 1930. – 98 с.
8. Лихачев Д. С. О языке устном и письменном, старом и новом. – URL: <https://lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/russ...23.pdf>.
9. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. – URL: https://nsportal.ru/sites/default/files/2017/04/01/lotman_yu_besedy_o_russkoy_kulture.pdf.
10. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусств. – М.: АСТ, 2003. – 270 с.
11. Пушкин А. С. Дубровский // Пушкин А. С. Сочинения: в 3 т. – М., 1987. – Т. 3. – С. 126–190.
12. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Сочинения: в 3 т. – М., 1986. – Т. 2. – С. 186–353.
13. Пушкин А. С. О причинах, замедливших ход нашей словесности // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 9 т. – М., 1937. – Т. 2. – 617 с.
14. Пушкин А. С. Рославлев // Пушкин А. С. Сочинения: в 3 т. – М., 1987. – Т. 3. – С. 116–125.
15. Толстой Л. Н. Юность. – М.: Сов. Россия, 1983. – 220 с.
16. Тургенев И. С. Рудин. Дворянское гнездо. Накануне. Отцы и дети. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1972. – 625 с.
17. Тургенев И. С. Дым. Новь. Вешние воды. Стихотворения в прозе. – М.: Худож. лит., 1981. – 608 с.

18. Тургенев И. С. Записки охотника. Повести и рассказы. – М.: Худож. лит., 1979. – 607 с.
19. Фонвизин Д. И. Избранное. – М.: Сов. Россия, 1983. – 335 с.
20. Germain C. Evolution de l'enseignement des langues: 5000 ans d'histoire. – Paris: CLE International, 1993. – 351 p.
21. McKay S. L., Hornberger N. H. Sociolinguistics and Language Teaching. – Cambridge University Press, 1996. – 483 p.
22. Moirand S. Enseigner à communiquer en langue étrangère. – Paris: Hachette, 1982. – 227 p.

References

1. Barsukova E. V. Linguistic personality as a category of historical culture studies (on the material of "The Prince Worontzow's Archives"). Abstract of Cand. Sci. (Cultural studies) Dissertation. Moscow, 2007, 22 p. (In Russ.)
2. Belova A. V. Noblewomen home education of at the first half of the 19th century. *Pedagogika* = Pedagogy. 2001; 10: 69–74. (In Russ.)
3. Berdyaev N. Russian idea. Saint Petersburg, 2008, 318 p. (In Russ.)
4. Dashkova E. R. Memoirs. Moscow, 1987, 493 p. (In Russ.)
5. Zagoskin M. N. Roslavlev, or the Russians in the year of 1812. Moscow, 1955, 504 p. (In Russ.)
6. Zetkina I. A., Nikolaeva E. A. New professions in the mirror of history and literature. Saransk, 2008, 187 p. (In Russ.)
7. Lafarg P. The language and the revolution. (Essays of modern bourgeoisie's origin). Moscow–Leningrad, 1930, 98 p. (In Russ.)
8. Likhachev D. S. About the oral and the written language, about the new and the old one. Available at: <https://lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/russ...23.pdf> (In Russ.)
9. Lotman Yu. M. Talks about Russian culture. Available at https://nsportal.ru/sites/default/files/2017/04/01/lotman_yu_besedy_o_russkoy_kulture.pdf (In Russ.)
10. Pushkin A. S. Dubrovsky. In: Pushkin A. S. Works in 3 vol. Moscow, 1987, Vol. 3. P. 126–190. (In Russ.)
11. Pushkin A. S. Evgeny Onegin. In: Pushkin A. S. Works in 3 vol. Moscow, 1986, Vol. 2. P. 186–353. (In Russ.)
12. Pushkin A. S. On the reasons which slowed down the course of our literature. In: Pushkin A. S. The complete works in 9 vol. Moscow, 1937, Vol. 2. 617 p. (In Russ.)
13. Pushkin A. S. Roslavlev. In: Pushkin A. S. Works in 3 vol. Moscow, 1987, Vol. 3. P. 116–125. (In Russ.)
14. Ortega-i-Gasset X. Dehumanization of arts. Moscow, 2003, 270 p. (In Russ.)
15. Tolstoy L. N. Youth. Moscow, 1983, 220 p. (In Russ.)
16. Turgenev I. S. Rudin. A nest of gentlefolk. On the eve. Fathers and sons. Perm, 1972, 625 p. (In Russ.)
17. Turgenev I. S. Smoke. Virgin soil. Spring floods. Poems in prose. Moscow, 1981, 608 p. (In Russ.)
18. Turgenev I. S. A Sportsman's sketches. Tales and short stories. Moscow, 1979, 607 p. (In Russ.)
19. Fonvizin D. I. Selected works. Moscow, 1983, 335 p. (In Russ.)
20. Germain C. Evolution de l'enseignement des langues : 5000 ans d'histoire. Paris: CLE International, 1993, 351 p. (In Fren.)
21. McKay S. L., Hornberger N. H. Sociolinguistics and Language Teaching. Cambridge University Press, 1996, 483 p. (In Eng.)
22. Moirand S. Enseigner à communiquer en LE. Paris: Hachette, 1982, 227 p. (In Fren.)

Поступила 12.10.2021.

Сведения об авторах

Зеткина Ирина Александровна – доктор культурологии, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Саранская духовная семинария (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: история культуры и образования. Автор более 200 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1131-4796>.

E-mail: irzet@mail.ru

Жиндеева Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор, кафедра литературы и методики обучения литературе, Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: сравнительно-сопоставительное литературоведение, авторские стратегии и технологии обучения литературе. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-148X>.

E-mail: jindeeva@mail.ru

Барсукова Елена Викторовна – кандидат культурологии, доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Саранская духовная семинария (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: религиоведение, лингвистика. Автор 40 научных и учебно-методических публикаций.

E-mail: irzet@mail.ru

Абишева Сауле Джунусовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Казахстан). Сфера научных интересов: сравнительно-сопоставительное литературоведение, взаимосвязанное изучение литературы, вопросы общей педагогики.

E-mail: s.abisheva@mail.ru

Submitted 12.10.2021.

About the authors

Irina A. Zetkina – Doctor of Culture Studies, Head of the Chair of Humanities, Saransk Theological Seminary (Saransk, Russia). Research interests: the history of culture and education. The author of more than 200 scientific and teaching and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1131-4796>.

E-mail: irzet@mail.ru

Elena A. Zhindeeva – Doctor of Philology, Professor, Chair of Literature and the Methods of Literature Teaching, Evseviev Mordovian State Pedagogical University (Saransk, Russia). Research interests: the comparative study of literature, author's strategies and methods of literature teaching. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-148X>.

E-mail: jindeeva@mail.ru

Elena V. Barsukova – Candidate of Culture Studies, Senior Lecturer, Saransk Theological Seminary (Saransk, Russia). The sphere of scientific interests is religion studies, linguistics. The author of 40 scientific and teaching and educational publications.

E-mail: irzet@mail.ru

Saule Dzh. Abisheva – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Kazakh National Pedagogical University named after Abai (Almaty, Kazakhstan). Research interests: comparative literary criticism, interrelated study of literature, issues of general pedagogy.

E-mail: s.abisheva@mail.ru